

11 СЕН 1984

ГУДОК
г. Москва

САД ЕГО ТВОРЧЕСТВА

К 90-летию Александра Довженко

На Киевской студии художественных фильмов, носящей имя Александра Петровича Довженко, есть музей, посвященный этому выдающемуся художнику. Среди экспонатов немало таких, которые по-настоящему волнуют многочисленных посетителей. Но есть на киностудии и такая реликвия, которую нельзя уместить ни под какими музейными сводами. Это огромный, буйно разросшийся фруктовый сад, ставший украшением не только кинокомплекса, но и всего района, примыкающего к оживленной магистрали украинской столицы, — Брест-Литовскому проспекту.

Как-то один из помощников Довженко по самым первым фильмам, впоследствии заслуженный деятель искусств УССР А. Швачко рассказывал:

— Вспоминаю, как в 1930 году сажали по инициативе Александра Петровича и под его руководством сад на только что построенной студии. Довженко очень любил землю и говорил, что нет на свете ничего благороднее, чем работа на ней. Особенно любил он сажать деревья и не скрывал своей мечты украсить всю планету садами...

Рассказывают также, что видный деятель культуры всегда находил время заботиться о саженцах, советовавшись со знатоками садоводческого дела, интересовался состоянием молодых деревьев во время отлучек, а возвращаясь, буквально лелеял каждый побег.

Ежегодно, в самом начале золотой киевской осени, в день рождения Александра Петровича, кинематографисты и их гости собирались на студии возле бюста Довженко на короткий митинг. Звучат сердечные слова о необыкновенном человеке и гражданине, о немеркнущем свете его творческих традиций. А потом выносятся корзины с отборными, медово пахнущими плодами, и гостей приглашают отведать яблок из довженковского сада.

Что ж, человек для того и выращивает сады, чтобы они щедро плодоносили. Многие, узнав, как увлеченно отдавался Александр Петрович саду, высказывают догадку: не отсюда ли страсть, вложенная им в фильм о Мичурине?

А мне припоминаются ставшие хрестоматийными кадры из киноленты «Земля» — крупным планом яблоки, омываемые ливневыми струями. Возможно, вся планета существовала в художническом восприятии Довженко в образе прекрасного плода, омываемого гро-

зовыми потоками обновления. Острым ощущением обновления проникнута вся поэтика и эстетика этого самобытного мастера. Он сам — как личность и фундатор нового искусства, ставший впоследствии лауреатом Ленинской и Государственных премий СССР. — был плодом величайшей из революций. Ему посчастливилось стать и достойным певцом ее.

Александр Петрович был сыном черниговского хлебопашца, с детства впитывал в себя народную мораль, неотделимую от любви к земле-кормилице.

Первые шаги на том поприще, которое требует душевных взлетов и столь же чувствительных мук творчества, Довженко сделал в двадцатые годы в Харькове, тогдашней столице Украины. Автору этих строк приходилось встречаться со старыми газетчиками, которые помнили, а иногда и хранили рисунки молодого каррикатуриста из газеты «Вести» — забавные, иногда незамысловатые, но отличающиеся уверенной линией. Сохранились и воспоминания о порывистом, общительном парне, которого все звали Сашко. Впрочем, так он зачастую и подписывался в газете.

В 1926 году Довженко дебютировал как сценарист, затем как режиссер небольших фильмов. Через год вышел «Арсенал». Фильм — с его смелыми сочетаниями героической патетики, народных аллегорий и сатирического гротеска — посвящался восстанию пролетариата киевского завода «Арсенал» против контрреволюционной Центральной Рады, он донес живое дыхание недавней истории. Олицетворение народных дум о светлой доле, незаурядный героический характер главного героя, большевика Тимоша Стояна, написанный сочными мазками, — вот что сделало эту ленту событием в становлении не только молодого кинематографиста, но и кинематографа.

Еще через год появилась «Земля». Классовая борьба в деревне здесь предстала в восприятии человека, влюбленного в жизнь, упоенного ее радостями. Всем памятна смерть деда Семена в благоухающем яблоневом саду... Неслышно падают яблоки, ползет малыш — продолжение рода. Торжествует жизнь.

В те же тридцатые годы созданы картины «Иван», «Авроград». Еще раньше поставлена «Сумка дикюрера», в которой Довженко выступал и как актер. Эта кинолента осталась единственной в его творческом багаже, а вспомнить о ней побудило вот какое размышление. Наверное, есть основания, вводя речь об уроках Довженко, думать и о художнике совсем другого поколе-

ния, весьма отличной манеры, иного видения мира — о Василии Макаровиче Шукшине.

Конечно, неумолимый, порой жесткий, «взедливый» в своей приверженности к бытовизму и жанровости, реализм Шукшина не имеет ничего общего с романтизмом Довженко. Но кино — сугубо синтетическое искусство, мы не раз уже видели, что наибольшие победы одерживает тот, кто, работая в нем, талантлив разносторонне. Шукшин был блистательным актером, крупным оригинальным постановщиком и глубоким писателем, чей след в литературе будет замечен долго...

Довженко не увлекся исполнительской деятельностью, но вспомним — был способным рисовальщиком, прославился как режиссер, а его вклад в литературу таков, что если бы все, что вышло из-под его пера, существовало только на бумаге, а не было экранизировано, то и тогда имя его было бы известно и любимо.

Как видим, творческая многогранность привела обоих мастеров кино к широкому литературному признанию, однако самой первой чертой сходства следует все же назвать внимание к корням народной жизни, редкостный дар слышать ее глубинное течение. И еще, конечно, поиск. Дерзкий, порой рискованный, без которого невозможно новаторство в искусстве, его развитие вообще. Принадлежа своему времени, Довженко слушал пульс народного бытия в час великих социальных катаклизмов. Его «Щорс», ставший вершиной кинофилософских обобщений революционной эпохи, масштабен, ярк, возвышен и поразительно конкретен.

Расцвет личности, одухотворенной ленинской идеей преобразования мира на социалистических началах, показан с такой убедительной силой, что эта кинолента стала в ряд с лучшими достижениями советского и мирового кино. Сейчас, в связи с 90-летним юбилеем А. П. Довженко, кинофильм «Щорс», в создании которого принимали участие такие замечательные деятели нашей культуры, как Дмитрий Кабалевский, Евгений Самойлов, Юлия Солнцева, вновь выходит на экраны.

Сам Довженко признавал, что он делал «Щорса» на предельном напряжении душевных сил, как памятник народу, которому суждено жить в столетиях.

...В том же музее Киевской киностудии можно увидеть полевые полковничьи погоны, боевые награды, которые принадлежали военному корреспонденту газеты «Красная Армия» Довженко. С первых дней гитлеровского нашествия высокий седой

офицер бывал у летчиков и танкистов, подолгу беседовал с теми, кто уже успел совершить подвиги в неравных сражениях, и с теми, на кого обрушились безмерные страдания, кто испытал ужасы фашистской неволи.

Мало кто знал, что этот статный полковник со скорбными, внимательными глазами, умевший так задумчиво слушать, имел уже мировое имя. Но зато из рук в руки передавали газеты, где печатались короткие, оперативно написанные, несущие колоссальный заряд ненависти к врагу и любви к своему воюющему народу документальные повести за подписью А. Довженко.

Все богатство довженковской музыки военных лет не охватишь в короткой газетной статье. Той же всепоглощающей страстью трибуна, подлинного патриота дышат документальные ленты Александра Петровича, воссоздающие целостный образ Освободителя. Многие впечатления фронтовых дней стали основой его «Повести пламенных лет».

Конечно, солдат Иван Орлюк из этой героической драмы не во всем похож на своих собратьев — рядовых тружеников войны из других известных произведений прозы и кинодраматургии. Эта несхожесть порой становилась поводом для горячих споров, которые велись вокруг «Повести пламенных лет», «Поемы о море». Но надо четко уяснить, что творчество Довженко, отражая его неповторимую индивидуальность, принадлежит к тому способу художественного отражения действительности, который называют лирико-романтическим. Реальная основа жизненного материала нередко сближается с легендой, поэтическим вымыслом в стремлении автора поднять конкретный факт до высоты самых больших обобщений.

Нет нужды спорить, какой из стилей продуктивнее. Жизнь доказывает, что все они дополняют друг друга, если действительно направлены на осмысление реальной жизни, проникнуты вниманием к человеку. У романтика Довженко все пронизано светом человеколюбия. «Хочу жить добром и любовью к человечеству» — в этом признании весь он.

...Автору этих заметок посчастливилось в свою студенческую пору слушать Александра Петровича в последние годы его жизни. Позже — быть причастным к редактированию и первой публикации его изумительных новелл из обширного литературного наследия. Это был человек, красивой передаваемой красотой зрелости. Его облик, его гражданский и творческий пример незабвенны.

Юрий МАХНЕЦКО.